

ЭММА
Рудкевич

СОСЕДКА
ЖЕСТОКОГО
НАСЛЕДНИКА.

НАС ПОСЕЛИЛИ В ОДНУ КОМНАТУ!

Эмма Рудкевич

**Соседка жестокого наследника.
Нас поселили в одну комнату!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Соседка жестокого наследника. Нас поселили в одну комнату! /
Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я поступила в элитную медицинскую академию, чтобы стать хирургом. Но уже на первой практике меня публично унизил Артур Волков — жестокий сын главного хирурга города. А вечером комендант объявила невероятное. — Комната 404. Проживать будете вместе с Артуром Волковым! Теперь мой главный враг спит в нескольких метрах от меня! Он запрещает трогать свои вещи, контролирует мою учёбу и угрожает уничтожить карьеру. Но однажды ночью я узнаю его страшную тайну. Мать Артура умирает, а сам он до ужаса боится потерять тех, кого любит. И когда он впервые целует меня, я понимаю: за ледяной маской скрывается опасное чувство. Только смогу ли я довериться мужчине, который однажды уже предал меня?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эмма Рудкевич

Соседка жестокого наследника.

Нас поселили в одну комнату!

Глава 1

Пять минут. У меня было пять минут, чтобы не опоздать на первую практику в жизни, и я их просрала.

Лифт в старом крыле общежития «Асклепия» застрял на третьем этаже с открытыми дверями. Кнопка светилась, мотор гудел, а кабина даже не дергалась. Я еще раз ткнула в единичку. Потом ударила кулаком — великолепный метод будущего врача, обязательно внесу в конспект. На лестнице кто-то тяжело застучал подошвами. Значит, пешком можно. Выскочив из кабины, я понеслась вниз через две ступеньки. Крахмальный воротник нового халата тер шею, шнурок хлестал по кроссовку. Завязать бы его. Еще бы найти для этого лишние десять секунд.

Я толкнула дверь операционной сильнее, чем собиралась. Удар о стену оборвал шелест страниц. На доске был написан диагноз кардиологического случая; десять человек разом отвернулись от него ко мне. Вот теперь разбирать будут меня. У доски стоял Артур Волков, староста курса, сын главного хирурга города. Его фамилию я успела выучить еще на собеседовании. «Не связывайся с ним, Ева, — шепнули мне тогда. — Кусает большее бешеной собаки». Очень полезный совет. Особенно когда он стоит между тобой и твоим местом.

Артур повернулся, задержал взгляд на моих кроссовках и поднял его к лицу. Я убрала ногу за ногу, пряча болтающийся шнурок. Поздно.

— Опаздывать на разбор кейса? — голос у него был низкий, бархатный, но от него мурашки ползли вверх по позвоночнику. — Профессор Жданов ожидает объяснений. Или ты пришла просто покрасоваться в своих... спортивных снарядах?

В голове теснились объяснения: лифт, трубы, три километра от автобуса — на такси денег не осталось. Надо было выбрать одно и произнести обычным голосом. Но я видела, как профессор ждет у доски, и могла думать только о том, что отнимаю время у всех. Воротник вдруг стал тесным. Воздуха мне хватало на полслова.

— Лифт... — только и смогла выдавить я.

Артур усмехнулся уголком рта. Лучше бы крикнул: тогда можно было ответить громче. А так я стояла перед ним и ждала, к чему он придерется следующим.

И тут шнурок моего левого кроссовка зацепился за правый. Дернулась, пытаюсь высвободить ногу, и качнулась вперед. Взмахнула руками, но опереться было не на что. Папка с моими личными заметками, которые я переписывала всю ночь под тусклой лампой в общежитии, выскользнула из рук. Она вылетела вперед — я еще успела потянуться за ней — и шлепнулась прямо в лужу антисептика, которую ассистент только что разлил, протирая столы.

Белые листочки мгновенно пропитались розовато-коричневой жижой. Краска размылась, буквы превратились в черные кляксы. Диагноз, который я так старательно записывала, стал неотличим от крови.

Никто даже не спросил, ушиблась ли я. Из первого ряда раздался тихий, звонкий смешок. Этот смех я узнала: Кира. Дочь декана. Королева потока. Сидела с прямой спиной, волосок к волоску; губы поджала сочувственно, а в глаза мне посмотрела с удовольствием.

Я смотрела на растекшуюся строчку в папке. Вчера трижды переписывала её, чтобы не ошибиться в термине. Теперь даже прочитать не могла. За ухом щипало от пота, и ужасно хотелось провести по нему рукавом. Не при них.

Артур сделал шаг вперед. Он не сказал ни слова. Просто поднял мокрую папку двумя пальцами, как грязную тряпку, развернул её к себе и начал читать вслух.

— «Инфаркт миокарда...», — протянул он, растягивая согласные. — Хотя нет. Теперь это больше похоже на «Меню столовой для бедных студентов». Ты даже трупы не умеешь уважать, Ева. А живых пациентов тем более.

Он бросил бумаги обратно на стол передо мной. Шмякнули мокрые страницы. Брызнули капли антисептика мне на рукав.

Я знала диагноз до того, как он прочел его вслух. Могла объяснить случай, назвать признаки — только сейчас все это прозвучит так, будто оправдываю мокрую бумагу и развязанный шнурок. Я спрятала кулаки в карманы. Если не получится ответить, хотя бы не заплачу при Кире. Пусть дождется чего-нибудь другого.

Звонок спас меня. Преподаватель махнул рукой, приказав всем собраться, и я вылетела из операционной первой, хлопнув дверью так, что треснула краска на косяке.

Пары ещё не закончились, но в операционную я больше не вернулась. Успеть заселиться, получить ключ от постоянной комнаты — и останется хотя бы одна проблема меньше.

Деканат встретил меня запахом пыли и старой бумаги. Секретарь, женщина лет пятидесяти с лицом, высеченным из гранита, даже не подняла головы от монитора.

— Окончательное заселение, комната 404, корпус Б, — бубнила я, повторяя фразу, которую выучила в дороге. — Ночевала во временной комнате. Теперь мне нужен ключ от постоянной. И постельное белье.

Секретарь щелкнула мышкой.

— Корпус Б переполнен из-за ремонта кровли. Выделена комната №404. Совместная.

— Совместная? — мое сердце пропустило удар. — С кем?

— С Артуром Волковым. Подпись уже стоит в реестре расселения. Не нравится? Ищи квартиру за свои деньги. Стипендию тебе назначат по результатам прошлого семестра, если тебя не отчислят.

Она ткнула пальцем в список. Черным по белому значилось: «Ева Соколова / Артур Волков».

Секретарь уже вернулась к монитору. Для нее две фамилии в одной строке означали, что вопрос решен. Для меня — что вечером опять придется смотреть на Артура, только теперь нельзя уйти после звонка. Сунув руку в карман, я нащупала мелочь. На квартиру её хватило бы, пожалуй, на пять минут: съем в этом районе стоил столько, сколько мама зарабатывала за год. Спорить было страшно. Согласиться — тоже.

Я схватила ключи, как горячие уголья, и выбежала в коридор.

На лестнице было темно. Лампочки мигали, создавая стробоскопический эффект. Я тащила свой тяжелый чемодан на колесиках, которые скрипели, как похоронный марш. На третьем этаже меня догнал парень в сером медицинском халате поверх футболки с принтом котика. Даня. Интерн-санитар, друг детства Артура, согласно слухам.

— Эй, новенькая! — окликнул он мягко. — Давай помогу. Тяжелый, да?

Когда он потянулся к ручке чемодана, я оттолкнула его руку. Еще один свидетель моего позора? Или расскажет Артуру, как тащил мои вещи? После практики я от каждого ждала подвоха.

— Не трогай! — рыкнула я, задыхаясь.

Даня не обиделся. Он просто прислонился к стене, скрестив руки на груди, и посмотрел на меня своими теплыми, карими глазами. В них не было насмешки, только странная, почти взрослая грусть.

— Ты сейчас кусаешься, потому что боишься, — тихо сказал он. — А он... — Даня кивнул в сторону двери 404 на верхнем этаже. — ...кусается, потому что голоден. Разница есть. Запомни это, Ева. Голод можно утолить. Страх — нет.

Отвечать не стала: дернула чемодан и полезла дальше по лестнице. Под халатом взмокла спина. Что Даня хотел этим сказать? Что мне теперь еще и утолять голод Артура? Пусть найдет кого-нибудь другого.

В комнате 404 на его кровати лежало белье цвета индиго. Моя была голой. Я поставила чемодан возле неё и потрогала матрас: серый поролон, запах сырости. Белый кафель, дорогой шкаф, кондиционер — на это деньги нашлись. На мою подушку нет. У шкафа пахло одеколоном, деревянным и горьким; запах въедался в ноздри, пока я рассматривала свою половину комнаты.

Артур сидел за столом спиной ко мне. Он писал что-то в блокноте, аккуратно, ровным почерком. Щелчок замка за моей спиной прозвучал как выстрел.

— Объясните, — мой голос дрожал, но я заставила себя говорить четко. — Почему на моей кровати ничего нет?

Он не обернулся.

— Вещи для совместного проживания выдаются после подписания договора о неразглашении внутренних правил комнаты, — произнес он ровным, скучным тоном. — Твой договор еще не готов. А пока ты можешь использовать свои личные запасы. Если они есть.

— У меня нет запасов! — крикнула я, теряя терпение. — Я студентка, а не ваш клиент!

— Именно поэтому ты здесь, а не в частной клинике, — он наконец повернулся. Смотрел прямо на меня, не отводя глаз. Я едва удержалась от попытки объяснить, насколько мне нужны эти деньги. — Правила есть правила. Нарушение повлечет за собой штраф. Из твоей будущей стипендии. Если она будет.

У шкафа я остановилась. Руки все еще тряслись. Не хватало только просить его еще раз. Верхняя дверца была закрыта; вполне мог спрятать белье там и сейчас ждать, когда я начну умолять. Ладно. Сначала посмотрю сама.

Я забралась на табуретку, тянулась к закрытой дверце шкафа. Пальцы скользили по лакированной поверхности.

Вдруг сильная рука перехватила мое запястье.

Я вздрогнула, едва не свалившись с табуретки. Артур стоял вплотную ко мне. Так близко, что я чувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань халата. Его пальцы были холодными и невероятно сильными. Они сжимали мою кожу так, что пульс бился в висках.

— Не трогай мои вещи, — прошептал он мне в лицо. Его губы были в сантиметре от моих. Я видела каждый миллиметр его кожи, каждую ресницу. — И не дыши так громко. Мне это мешает концентрироваться.

Он отпустил мою руку. На коже остались четкие следы от его пальцев, красные, как ожоги.

Я потеряла красные полоски на запястье. Он снова писал в блокноте, будто ничего не случилось. Хотелось опрокинуть эту табуретку и заставить его хотя бы поднять голову. Но одеяла у меня по-прежнему не было, а он держал у себя все, за чем я должна была тянуться.

Я спрыгнула с табуретки, колени подогнулись.

— Ты чудовище, — прошипела я, хотя голос вышел сдавленным.

— А ты мешаешь мне жить, — ответил он, возвращаясь к своему блокноту. — Свет.

Он щелкнул выключателем.

Тьма обрушилась на комнату мгновенно. Мы остались вдвоем в темноте. Я слышала только свое учащенное дыхание и мерное постукивание его ручки по бумаге.

Я легла на голый матрас, подтянула колени и попыталась укрыть их полами халата. Поролон охлаждал бок. Стоило повернуться к стене, как снова потянуло его парфюмом — дорогое

дерево, металл. Даже здесь от него не спрячешься. Прижала нос к рукаву: антисептик. Тоже напоминание о нем и о том, как он читал мои испорченные записи перед всеми.

Мне страшно от того, как быстро он находит то, за что мне стыдно.

Звуки города снаружи стихли. Кондиционер продолжал гудеть; за каждым его щелчком я пыталась услышать, не встал ли Артур. Зажмурилась, разжала веки — темно. До утра оставалось несколько часов. Я ждала их конца, чтобы наконец подняться с этого матраса и выйти из комнаты.

Глава 2

Красная жидкость затекла в швы между плитками. На следующей практике я стояла посреди учебной операционной №3, сжимая мятую тряпку. Имитатор крови под кроссовками подсыхал по краям; я боялась наступить и разнести следы еще дальше. Во рту стоял металлический привкус, хотя я прекрасно знала, что это учебная смесь. Снова споткнулась: папкой сбила с тележки стакан учебной крови. Теперь нужно убрать, пока не вернулся преподаватель.

— Ты даже трупы не умеешь уважать, — его шепот был тише гула вентиляции, но громче моего сердца.

Артур стоял у стола. На его халате не было ни пятна; я глянула на свой рукав и подвернула его, чтобы мокрый край не касался ладони. Рядом с ним лежала раскрытая папка с протоколами. До них я дотянуться могла. До его хорошего расположения — нет, но почему-то именно оно сейчас решало, удастся ли мне исправить хоть строчку.

Можно было бросить тряпку и уйти, как он требовал. Потом в докладной останется одно: студентка испортила документы и отказалась навести порядок. Объяснение про случайность туда не впишут. Я видела уже не красную лужу, а пустую строку напротив своей фамилии в списке на стипендию. Взялась за тряпку покрепче. Хоть пол. Хоть что-нибудь я должна исправить сама.

Шагнула вперед и присела, чтобы стереть последнее красное пятно. Тряпка соскользнула, оставив грязный размытый след. Артур стоял за спиной; я ждала замечания и терла все быстрее. Только бы успеть раньше, чем он снова скажет, что я все испортила.

— Не трогай пол, — приказал он. Голос ровный, лишенный эмоций.

— Я убираю, — прошипела я сквозь зубы, чувствуя, как колени начинают дрожать. — Это было случайно. Папка выскользнула.

Он шагнул ко мне. Туфли замерли прямо перед моим лицом — к пятну теперь не подбаться. Пришлось поднять глаза. Артур смотрел на меня сверху вниз и ждал, когда я отпущу тряпку. Я еще могла объяснить, как все произошло, но он даже не спросил.

Артур молча протянул руку. Пальцы длинные, сильные, с идеально чистыми ногтями. Он выхватил из моих рук пропитанную красной жидкостью тряпку. Движение было быстрым, почти жестоким. Он бросил её в ближайший бак для биологических отходов. Хлопок крышки эхом разнесся по пустой комнате.

— Она жалкая, — констатировал он, глядя на красные капли у бака. — И опасная. Ты думаешь, это уборка? Это контаминация. Ты только что размазала потенциальный источник инфекции по стерильной зоне.

Щеки горели. Я убрала за спину испачканные руки: минуту назад хваталась за уборку, а теперь оказалось, что и этим навредила. На красные капли у бака уже не смотрела.

— Я не знала, что нужно вызывать клининг! Я думала...

— Ты думала, что можешь решить проблему своими руками, потому что привыкла мыть полы в общежитии за копейки? — перебил он. Впервые в его голосе прорезалась сталь. Он знал. Как-то узнал. Откуда? Из моего вида? Из дешевых кроссовок? Или ему просто нравилось находить трещины в моей броне?

Я выпрямилась, сжимая кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

— Протокол операции можно переписать. Я могу восстановить данные. Просто дай мне шанс...

— Шанс? — Артур усмехнулся. Я тут же пожалела о слове «шанс». Оно прозвучало просьбой, и он это услышал. — Если ты не можешь контролировать тремор, тебе не место у стола. Посмотри на свои руки, Ева. Они трясутся. Ты не врач. Ты пациентка, которой нужна помощь.

Он указал пальцем на мои дрожащие кисти. Действительно, мелкая дрожь пробиралась от кончиков пальцев к предплечьям. Страх. Холодный, липкий страх.

— Выйди из стерильной зоны, — сказал он, отворачиваясь. — Немедленно.

Я осталась на месте. Дверь была рядом, можно было уйти и больше не показывать ему дрожащие руки. Но тогда документы придется переписывать кому-то другому. А завтра он при всех повторит, что мне не место у стола. И чем я возражу?

— Я не уйду, пока не исправлю ошибку, — произнесла я тихо, но твердо.

В этот момент дверь скрипнула. На пороге появилась Кира. Идеальная прическа, безупречный макияж, дорогая сумочка на плече. Она осмотрела комнату: кровь на полу (которую я уже попыталась затереть), Артура, стоящего спиной ко мне, и меня, замершую посреди операционной.

Кира округлила глаза. Одной рукой придерживала сумочку, другой указала на лужу — так осторожно, словно уже готовилась пересказывать увиденное. От ее аккуратности я сильнее стиснула пальцы. Тряпку Артур уже выбросил — даже занять руки было нечем.

— Ой, девочки, что тут случилось? — спросила она, входя внутрь и оглядываясь с нарочитым ужасом. — Ева, милочка, ты же понимаешь, что декан будет в ярости, если увидит этот бардак. Лучше беги. Пока Артур не начал писать докладную. Я прикрою тебя, скажу, что сама случайно толкнула тележку.

Кира предлагала сказать, что сама толкнула тележку. Значит, потом сможет сказать и обратное. А я буду зависеть от того, какое объяснение ей удобнее сегодня. Она ждала, что я воспользуюсь её предложением; даже чуть отступила, освобождая мне путь к двери. Не дождется.

— Мне не нужна твоя помощь, Кира, — отрезала я, не сводя глаз с затылка Артура. — И я никуда не пойду.

Кира хихикнула, поправляя выбившуюся прядь волос.

— Ну-ну. Героизм в чужом белом халате. Как трогательно.

Артур резко развернулся, прищурившись. Я осеклась: пока смотрела на его затылок, спорить было легче. Теперь он шел ко мне, и отступать при Кире уже не хотелось.

— Ты отказываешься слушать старосту потока? — спросил он, подходя ближе. Шаг за шагом. Я чувствовала запах его одеколона — цитрус и что-то горькое, лекарственное. — Ты остаешься здесь, несмотря на прямое нарушение протокола безопасности?

— Я пытаюсь исправить ситуацию, — мой голос сорвался на крик, хотя я старалась говорить шепотом, боясь эха стен. — Почему вы все считаете, что я должна убегать? Я учусь здесь не для того, чтобы быть удобной!

— Удобной? — Артур остановился в сантиметре от меня. Так близко, что я видела поры на его коже, слышала его учащенное дыхание. — Ты называешь себя неудобной проблемой?

Он схватил меня за локоть. Его пальцы сомкнулись как тиски, холодные и твердые. Боль пронзила плечо, заставив вздрогнуть.

— Выйди. Сейчас.

Я рванулась назад. Инстинкт самосохранения включился быстрее мысли. Я выдернула руку, и мои ногти скользнули по ткани его белого халата. Раздался тихий треск рвущейся нити. На рукаве, чуть выше запястья, остался красный след — не крови, а грязи с пола, смешанной с чем-то еще. Грязный, унижительный отпечаток на его идеальной форме.

Мы оба посмотрели на красный след. Я втянула воздух, ожидая, что он снова схватит меня. Кира прикрыла рот рукой; только глаза над ладонью смотрели жадно, выжидающе. Ну что, Ева, что ты сделаешь теперь?

— Я не буду убегать как крыса! — выкрикнула я, отшатываясь к стене. Мой голос эхом ударился о металлические панели, разносясь по коридору за открытой дверью. — Вы можете добиться моего отстранения, но я не стану просить прощения за то, что упала!

Артур еще раз посмотрел на свой рукав, потом на меня. Я ждала, что он повысит голос или потребует отстирать халат. Он молчал. От этой паузы мне захотелось самой начать оправдываться, лишь бы он наконец ответил.

— Крысы живут в канализации, Ева. Здесь — стерильная зона. Ты перепутала среды.

Дверь распахнулась шире. В проеме возник Даня. Интерн-санитар, всегда улыбающийся, всегда готовый помочь. Он замер, увидев нас: Киру, сверкающую глазами; Артура, спокойно протирающего рукав салфеткой; и меня, прижавшуюся к стене, с горящими щеками.

— Эй, что происходит? — Даня вошел в комнату, стараясь звучать непринужденно. Он подошел ко мне, положив руку мне на плечо — мягко, тепло. — Ева, иди сюда. Давай кофе? У меня есть термос, там еще горячий. Мы можем выйти, обсудить... ну, эту оплошность. Без свидетелей.

Данина ладонь согревала плечо через мокрый рукав. Он заговорил о кофе, и я вдруг вспомнила, что с утра ничего не пила. Можно выйти с ним и хотя бы минуту не слышать про заражение, халатность, мой тремор. Шагнула к нему, уже почти согласившись. Только бы Артур не остановил.

Артур посмотрел на Даню. Я все еще стояла рядом с ним, и вдруг стало ясно, что сейчас решать будут без меня — даже то, можно ли мне выйти выпить кофе.

— Не учись чужим методам, Даня, — произнес он, не повышая голоса. Я ждала, что Даня возразит: он же сам предложил выйти. — Их методы приводят к заражению. Иди на дежурство. Твой блок.

Даня убрал ладонь с моего плеча. Сначала посмотрел на Артура, потом на меня; я ждала, что он все-таки повторит про кофе. Не повторил. Руку засунул в карман. Из-за одного взгляда Артура. Теперь мне было стыдно и за то, как охотно я шагнула к нему.

— Ладно, — буркнул Даня, отступая. — Ева, извини. Позже.

Он вышел, забрав с собой остатки надежды на человеческое участие. Дверь закрылась. Остались мы. И Кира.

— Какой ужас, — прошептала Кира, доставая телефон и делая вид, что проверяет сообщения. — Тебе правда стоит уйти, Ева. Артур не любит, когда нарушают его порядок. А ты... ты слишком много шума создаешь.

Я посмотрела на неё. Потом на Артура. Он уже забыл обо мне, вернувшись к своим документам, аккуратно складывая папку, которую я раньше уронила. Его равнодушие было страшнее любого крика.

Я стояла у стены, пока Артур складывал папку. Мою папку. Выйти раньше означало сдаться, остаться — ждать следующей реплики и снова искать ответ слишком поздно. Локоть ныл от его пальцев. Я расправила рукав, прикрывая испачканную ткань, и больше не посмотрела на Киру. Ей и так досталось достаточно зрелища.

Я вышла. Молча. Не оборачиваясь.

Глава 3

Коридор клиники встретил меня гулом вентиляторов и запахом хлорки. Люди спешили мимо, никто не смотрел на меня. Халат убрала в рюкзак; в сером худи я была просто еще одной студенткой. Но внутри меня бушевал шторм. Я шла к общежитию, сжимая ремешок рюкзака так, что костяшки побелели.

Комната. Наша комната. Артур.

Мысли о том, что нам придется жить вместе после этого дня, вызывали физическую тошноту. Я представила, как он входит, как он смотрит на меня через стол, как он молчит своим вечным молчанием, которое громче любых оскорблений.

Я поднималась по лестнице, считая ступеньки. Четыре этажа вверх. Каждый шаг отдавался в висках. Когда я наконец добралась до двери своей комнаты, руки дрожали сильнее, чем в операционной. Я достала ключ, вставила в замок. Повернула.

Тишина.

Я толкнула дверь ногой, ожидая увидеть его за столом или в кровати. Но комната была пуста. Однако не чистой.

Мои вещи валялись на полу. Учебники по анатомии раскрыты, страницы замяты. Сумка лежала посреди комнаты, молния расстегнута, содержимое высыпано: тетради, ручки, баночки с кремом, зарядка. Все в беспорядке, будто кто-то рылся в поисках компромата или просто хотел показать, кто здесь хозяин пространства.

На голом матрасе моей кровати лежала сложенная вдвое бумага. Белая, чистая. Идеальная.

Я подошла, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Подняла записку. Почерк Артура — тонкий, угловатый, безжалостный.

«Учись уважать пространство. Или освободи его.»

Нет подписи. Нет даты. Только приказ.

Я рухнула на кровать с запиской в руке. Слезы потекли по щекам, падали на бумагу. Хотелось спрятать лицо в подушку, но подушки не было. На полу лежали мои учебники; я даже не могла сейчас наклониться за ними. Весь путь сюда представляла, как закрою дверь и наконец останусь одна. А тут меня уже ждал его приказ.

Я взяла телефон, чтобы написать заявление на перевод в другую группу. Другую комнату. Другую жизнь. Палец завис над экраном.

Перевод означал потерю статуса. Потерю доступа к клиническим базам. Потерю стипендии, на которую я рассчитывала. Конец мечты.

Я положила телефон обратно. Закрыла глаза. В голове крутилась одна мысль: «Он хочет, чтобы я сдалась. Но я не сдамся».

Звук открывающейся двери заставил меня вздрогнуть. Я не обернулась, продолжая смотреть в потолок, где трещина напоминала рубец.

Шаги были тихими, уверенными. Артур вошел, не снимая халата. Он даже не посмотрел в мою сторону сразу. Он подошел к своему шкафу, достал книгу по кардиохирургии, сел на свой стул у окна и открыл первую страницу.

Тишина стала невыносимой. Я ожидала крика. Ожидала новых обвинений. Ожидала, что он скажет, как я мешаю ему жить.

Но он начал читать. Вслух. Монотонно, ровно, как метроном.

— «Функция миокарда зависит от целостности проводящей системы...»

Его голос был слышен в каждом углу комнаты. Я ждала, что на очередном всхлипе он прервется и велит не мешать. Артур продолжал читать лекцию по анатомии. Даже на разбросан-

ные учебники не посмотрел. Будто меня здесь нет — ни меня, ни моих вещей, ни его записки у меня в руке.

Сначала это бесило. Каждая фраза казалась издевательством. «Ты ничтожество, поэтому я буду учиться, даже если ты рыдаешь.»

После нескольких страниц я перестала ждать, что между медицинскими терминами он вставит что-нибудь обо мне. Он читал всерьез. Пауза, следующая фраза, шелест бумаги. Я поймала себя на том, что мысленно дополняю знакомое определение. Оно не сошлось с текстом, пришлось прислушаться. Пока я проверяла себя, всхлипы стали реже. Это злило: успокоиться мне помогал именно его голос.

Вытерев слезы рукавом худи, я посмотрела на Артура сбоку. Челюсть у него была сжата. Он читал так четко, словно каждую фразу требовалось произнести и закрепить здесь, в нашей комнате. Я зацепилась за знакомый термин и стала слушать внимательнее. Теперь, если он остановится, придется опять слышать собственные всхлипы.

— «...нарушение ритма приводит к гемодинамическому коллапсу. Пациент умирает не от болезни, а от потери контроля над системой жизнеобеспечения.»

Он перевернул страницу. Бумага шуршала.

Я слушала, все еще сидя на своей кровати среди разбросанных вещей. Он ведь слышал, что я плачу. Мог потребовать тишины, но вместо этого читал вслух. Неужели для меня? Хотелось в это поверить. Слишком хотелось — после того, как он весь день заставлял меня чувствовать себя лишней.

Я еще сидела среди разбросанных вещей, но уже слушала о проводящей системе, а не о собственной никчемности. Не хотелось благодарить его за это. Не хотелось и просить замолчать. Я подтянула ноги на матрас и приготовилась дослушать страницу.

Артур закрыл книгу с глухим хлопком. Звук резанул тишину, как выстрел. Он поднял глаза и посмотрел на меня. В его взгляде не было ни сострадания, ни злости. Только холодная оценка.

— Второй курс начинается сейчас, — сказал он ровным, как скальпель, голосом. — И я не потерплю, если ты умрешь от скуки раньше, чем от болезни.

Свет в комнате мерк, оставляя только тень его профиля на стене.

В комнате №404 все свободное место оказалось на его стороне. Я обошла кровать, потом стол: куда ни положи свои книги, ему будет мешать. На белом кафеле отражалась лампа, и даже след от моего чемодана выделялся слишком отчетливо. Артур явно заметит и его. Я выбрала шкаф — за дверцей книги хотя бы не будут попадаться ему на глаза.

Книги оттягивали руки, нижний том уже сползал. Свободная полка была узкой, но для моей стопки хватало. Я повернула её корешками наружу. Артур печатал за столом и даже не посмотрел. Может, можно просто поставить? От этой мысли я разозлилась на себя: еще разрешение на собственные учебники спроси.

— Мне нужно место для книг, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он даже не повернул головы. Пальцы продолжали стучать. Я поставила стопку на полку. В ту же секунду он развернулся, схватил мои учебники одной рукой — легко, как игрушку — и переложил их обратно на стол, освободив пространство для своего зарядника.

— Здесь нет места для хлама, Ева. Только для работы.

Он поставил зарядник туда, где секунду назад стояли мои книги. Зарядник. Один черный моток провода. Я смотрела на него и представляла, как придвигаю учебники к стене еще теснее, чтобы поместилось все. И поняла, что сейчас опять уступлю, если не сделаю что-нибудь сразу.

Я выдернула книги из-под его локтя так резко, что он чуть не опрокинул кофе. Артур поднял бровь. Вот сейчас — слезы, оправдания, привычная провинциалка у него на побегушках. Я расставила учебники веером прямо перед розеткой. Между самой толстой книгой и стеной даже его тонкий штекер не пролез бы.

— Теперь здесь есть место для моего хлама. И для твоего неудобства. Выбирай сам.

Он посмотрел на книги перед розеткой, потом на меня. Я ждала, что он сейчас сгребет их на пол. Он молча отключил ноутбук, взял рюкзак и вышел, хлопнув дверью так, что с полки упала кружка.

Глава 4

Вечер выдался душным. После душа я чувствовала себя выжатой лимонкой: внутри пусто, зато шипеть еще могу. Волосы капали на плечи. В комнате после горячей воды казалось холодно, и я плотнее запахнула халат. Артур должен был быть на дежурстве. Открыв дверь ванной, я шагнула в комнату, уверенная, что одна.

И ошиблась.

Артур стоял посреди комнаты; входная дверь за его спиной оставалась открытой. Я не услышала, как он повернул свой ключ. Его глаза скользнули по моим мокрым волосам, по тонкой ткани халата, который просвечивал на свету, по голым лодыжкам. Даже не отвел взгляда, пока я поправляла ворот. На практике он так же молча разглядывал то, с чем собирался работать. Мне захотелось спрятаться — и от этого захотелось ударить его еще сильнее.

Халат лип к влажным плечам. Я стояла босиком и никак не могла придумать, куда убрать ноги, которые он разглядывал. Завернуться в полотенце? Отступить в ванную? Тогда он увидит, что я испугалась. Пояс был завязан, но мне казалось, что этого мало.

Медленно, нарочито туго затянула пояс халата, собирая ткань в складки. Узел впился в живот. Теперь можно было поднять голову и посмотреть ему прямо в глаза.

— Закрой дверь, — мой голос прозвучал тише шепота, но тверже стали. — Или я выбью тебе зубы. Прямо сейчас. На глазах у всего потока.

Артур усмехнулся и оставил дверь открытой. По коридору кто-то прошел; я тут же подтянула край халата ниже. Он заметил. Конечно, заметил — и все равно усмехался. Не верит, что ударю?

— Ты пытаешься быть дерзкой, Ева? Это не работает на меня.

Он шагнул ко мне. Пришлось запрокинуть голову, чтобы продолжать смотреть в глаза. От него пахло дорогим древесным одеколоном, антисептиком и свежим воздухом улицы. Я втянула воздух раньше, чем успела подумать. После всех его выходов мне нравился этот запах. Отвратительно. Особенно сейчас, когда он стоял между мной и открытой дверью и даже не собирался отойти.

Мои пальцы судорожно сжались на влажном полотенце, которое я держала в руке.

Бросок получился интуитивным. Мокрые махровые волокна ударили точно в лицо, залепив рот и нос. Артур отшатнулся, ослепленный и оскорбленный.

Я не стала ждать реакции. Отступила в ванную и захлопнула дверь перед его носом. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Спустя секунду я услышала глухой стук кулака по дереву. Потом тишину. Потом удаляющиеся шаги.

Ночь я провела в ванной: свернулась на коврик, укрылась сухим полотенцем и просыпалась от каждого скрипа за дверью. К утру спина ныла так, что обиду на Артура пришлось отложить.

Утро началось с шока.

Выйдя из ванной, я направилась к двери комнаты, готовясь к боевому столкновению с коридором. Открыла — и замерла. Артур сидел на полу перед нашей комнатой. Спина прислонена к стене, ноги вытянуты, в руках толстый том по кардиохирургии. На книгу он не смотрел. Поднял голову на скрип двери.

Под ним лежала моя куртка. Та самая, которую я забыла повесить в шкаф.

У него покраснели белки, под глазами лежали тени. Он не спал всю ночь? Или притворялся? Куртку из-под него хотелось выдернуть, но тогда пришлось бы просить его встать.

— Мы должны обсудить твою агрессию, — произнес он ровно. Голос звучал хрипло, будто сорван. — Ты ведешь себя неадекватно. Как истеричка из провинции, которая не понимает правил элитного учреждения.

Я закрыла дверь своей комнаты, оставив нас одних в узком пространстве коридора. Запах его парфюма все еще висел в воздухе, вьевшийся в стены.

Я села напротив него на корточки. Так, чтобы наши лица оказались на одном уровне. Я подобралась слишком близко и видела, как он следит за моими движениями.

— Я не неадекватная, — прошептала я, глядя ему в зрачки. Он смотрел так устало и зло, что мне вдруг захотелось попасть точнее. Что-нибудь ведь должно болеть и у него. — Я просто знаю, что ты боишься прикоснуться ко мне по-настоящему. Поэтому прячешься за правилами, за статусом, за своим идеальным фасадом. Тебе легче ненавидеть меня, чем почувствовать хоть что-то живое.

Артур стиснул зубы. Я заметила это потому, что сидела совсем близко; обычно он успевал отвернуться. Захотелось повторить свою реплику, еще жестче, чтобы он точно услышал. Но теперь он и без того смотрел только на меня.

— Ты ничего не знаешь обо мне, — сквозь зубы процедил он.

— Знаю достаточно, чтобы видеть, как ты дрожишь, когда думаешь, что никто не смотрит.

Внезапно он схватил меня за запястье и потянул вверх. Из-под его большого пальца боль отдала в предплечье. Я качнулась на носках; еще рывок — и пришлось бы подняться.

Руку я расслабила нарочно. Пусть тащит. Смотреть ему в глаза оказалось труднее, чем терпеть хватку, но я продолжала. Он дернул еще раз, потом замер: я все еще сидела перед ним на корточках, с вытянутой рукой.

Пальцы на моем запястье ослабли. Я повернула кисть и вытянула ее из хватки. Медленно, почти ласково провела ногтями по внутренней стороне его запястья, оставляя белые следы. Хотела сделать больно — а сама следила, как он от этого вздрогнет.

Он отдернул руку, как от огня. Посмотрел на белые полосы, потом на меня. На этот раз реплики у него не нашлось.

Остаток утра мы промолчали. Я зубрила за своим столом, Артур печатал за своим; воздух между нами оставался натянутым, но никто из нас не тянулся к нему первым.

Обстановка разрядилась только к полудню, когда в дверь постучали.

Даня впорхнул в комнату с двумя пакетами фастфуда и сияющей улыбкой. Я едва не бросилась к нему за одним только пакетом: с утра даже есть не хотелось, а теперь запах картошки вытеснил все остальные мысли.

— Вижу, вы снова пытаетесь убить друг друга взглядом, — сказал он, ставя еду на стол. — Ева, слушай, если это слишком... ну, если Артур перегибает палку, можешь переехать ко мне на пару дней. У меня диван удобней, и я не буду читать тебе лекции о гигиене сна.

Он говорил тепло, искренне. Даня был безопасен. Предсказуем. Мне не приходилось ждать от него насмешки, прежде чем он откроет рот.

Я посмотрела на Артура. Он молча ел гамбургер, избегая нашего взгляда.

— Нет, спасибо, Даня, — ответила я, чувствуя странную пустоту в груди. — Мне не нужна «безопасная гавань», если в ней нет правды. Я останусь здесь.

Даня вздохнул, покачав головой.

— Ты упрямая, Ева. Опасно упрямая.

Он ушел, забрав свой пакет. Артур дожевывал гамбургер. Я могла уйти с Даней, спать на удобном диване, утром спокойно одеться. Вместо этого осталась и теперь ждала, что Артур скажет хоть что-нибудь. Он потянулся за салфеткой. Я откусила остывающую картошку, чтобы самой не заговорить первой.

Ужин кончился так же тихо, как начался: он собрал обёртки, я открыла учебник, и разговор так и не завязался ни на чём.

Ночь пришла незаметно. Я заснула тяжело, провалившись в тревожный сон, где меня душили белые простыни.

Проснувшись от тихого шелеста бумаги.

В комнате было темно, только лунный свет пробивался через жалюзи, рисуя полосы на полу. Я приоткрыла один глаз.

Над моей кроватью стоял Артур.

Он не двигался. Просто стоял, держа в руках мою папку с документами. Ту, которую я уронила в красную лужу на практике. Ту, которую я считала уничтоженной навсегда.

Бумаги высохли. У нескольких листов топорщились края — зато они уже не слипались в комок. Вчера боялась трогать этот комок: потяну за угол — порву. Теперь различала отдельные страницы. Сколько же просидел над этой папкой, пока я спала?

Он положил папку на тумбочку рядом с моей головой, придержал верхний лист, чтобы тот не загнулся. Я смотрела сквозь ресницы. Это те же пальцы, которыми он утром сжимал мое запястье.

Затем он развернулся и вышел, не сказав ни слова.

Пока он выходил, я ждала, что обернется и заберет папку обратно. Она лежала на тумбочке, и светлая полоска страницы была видна даже в темноте. До нее оставалось вытянуть руку. Я еще удерживала руку под собой: вдруг он вернется и заметит, что я не сплю.

Он раньше поднимал мою папку двумя пальцами, чтобы рассмешить поток. Сейчас положил возле меня так, что листы даже не шелохнулись. Я сравнивала эти два движения и злилась: от второго хотелось забыть первое. Но первое никуда не делось. Папку я все равно подтянула ближе к себе.

Я коснулась папки кончиками пальцев. Бумага была теплой.

От папки пахло его одеколоном. Видимо, держал возле себя, пока сушил листы. Я разлепила край одной страницы: моя запись сохранилась. На другой половине комнаты была его кровать, а рядом со мной — возвращенная работа, которую уже считала потерянной. Завтра все равно придется с ним спорить. Но сейчас хотелось открыть папку и проверить, сколько еще осталось целым.

Я чувствовала себя пойманной.

Глава 5

В столовой «Асклепия» я выбрала край длинного стола: так меньше шансов, что кто-нибудь сядет по обе стороны и начнет обсуждать меня через голову. Каша успела остыть, но внизу тарелки еще оставалось немного теплой. Я соскребала её вилкой. Вокруг спорили, двигали стулья, звенели подносы — после комнаты с Артуром этот шум почти успокаивал. Пока Кира не подошла.

— Можно присоединиться?

Голос был мягким, бархатным, с той интонацией, которую используют учителя для трудных подростков. Я подняла глаза. Кира. Дочь декана, королева потока, идеальная кукла с безупречной прической и улыбкой, от которой обычно хочется проверить, нет ли за ней яда.

Она села напротив, поставив перед собой поднос с эклером и капучино. Я перестала греть пальцы о кружку с чаем: теперь Кира могла заметить, как они дрожат.

— У нас еще есть места, — сухо ответила я, кивнув вдоль стола.

— Но у нас есть и общие интересы, Ева, — она придвинулась ближе, понизив голос до заговорщицкого шепота. — Например, Артур. Он же давит на тебя? Все видят. Это несправедливо. Он использует служебное положение, чтобы самоутвердиться.

Я слушала Киру и почти забывала, как она смеялась над моей мокрой папкой. Вот же человек, который видел все сам. Мне не надо объяснять, оправдываться, доказывать, что Артур действительно так со мной разговаривал. А если она права? Если он просто тиран, а не гений?

— Он требует дисциплины, — пробормотала я. Защищаю его, еще чего. Но если Кира сейчас согласится, разговор кончится — и я снова останусь одна со своей остывшей кашей.

— Выпей со мной кофе, — Кира пододвинула мне свой стаканчик. — Давай просто поговорим. Без протоколов.

Я взяла кофе. Теплый картон обжигал пальцы, но внутри становилось чуть светлее. Мы болтали о том, какой Артур зануда, о сложностях с дежурствами. И тут Кира вздохнула, глядя мне прямо в глаза.

— Знаешь, я видела тебя вчера утром. Ты сидела в коридоре общежития. Прямо на полу. Мое сердце пропустило удар. Кофе показался горьким.

— Я... я просто ждала лифт, он сломался, — начала оправдываться я, ненавидя свою ложь.

— Для комиссии по этике это выглядит подозрительно, — продолжала Кира. Она придвинула эклер к себе, хотя я к нему и не тянулась. — Студентка, которая сидит на полу в общих зонах, часто скрывает что-то. Или кого-то. Но я могу помочь. Мой отец уважает мое мнение. Я скажу ему, что ты просто уставшая. Если ты сделаешь для меня одну мелочь.

— Какую? — спросила я, сглатывая ком в горле.

— Передай пакет документов из ординаторской Артура в архив. Просто положить в папку. Там ничего секретного, только старые истории болезни. Мне нужно проверить пару цифр для курсовой.

Я отшатнулась. Красть документы у старосты курса? Это конец. Стипендия, практика, репутация — всё полетит в тартарары.

— Нет, — твердо сказала я, отставляя стаканчик. — Это нарушение правил внутреннего распорядка.

Кира усмехнулась. Она не стала спорить. Вместо этого она повысила голос так, чтобы слышали соседние столы.

— Ева, ну правда? После всего того, что я для тебя сделала? Твои проблемы с дисциплиной уже обсуждают во всем факультете. Говорят, ты бедная и странная, постоянно нарушаешь режим. Может, тебе стоит быть более... гибкой?

За соседним столом перестали спорить. Парень обернулся, так и держа вилку возле рта. Кира ждала ответа; я никак не могла выговорить даже «отстань». Встала и взяла сумку. Только бы не уронить ее сейчас, не дать им еще одного повода.

— Подожди, — Кира перехватила мою руку. Хватка была цепкой. — Ладно. Забудь про кражу. Я помогу иначе. Завтра симуляция. Там сложный случай. Если ты опозоришься снова, тебя отчислят. Я дам тебе список пациентов. Чтобы ты подготовилась. Это бесплатно.

Кира держала меня за руку. Я смотрела на ее пальцы и пыталась решить, что хуже: поговорить ей еще раз или выйти завтра к манекену, зная, что она уже подготовилась. Список можно проверить, выучить случай, потом обойтись без её помощи. Только этот список она и обещала. Я потянула руку к себе, но сразу не освободилась.

— Где взять список? — спросила я тихо.

— В компьютерном классе сегодня ночью будет доступ к серверу. Я дам тебе логин и пароль. Просто зайди и посмотри. Никто не узнает.

Она отпустила мою руку лишь после того, как я повторила за ней комбинацию. Я запомнила буквы и цифры, злясь на ее пальцы и на себя. От кражи отказалась — а ночной вход уже казался почти учебой.

До ночи оставалось ещё несколько часов. Я вернулась в корпус и стала ждать темноты, собирая сумку и разбирая её заново, чтобы руки не дрожали.

Комната №404 встретила меня тишиной и запахом старой бумаги. Артур сидел за своим столом, спиной к двери; на щеке отражался синеватый свет ноутбука. Я придержала дверь, чтобы закрылась без хлопка. Он продолжал печатать. При нем даже в собственный шкаф лезть не хотелось — еще спросит, зачем мне сумка вечером.

Я раскрыла учебник на коленях. Одну страницу знала почти наизусть, другую надо было повторить, но вместо них разглядывала стрелки часов. В компьютерный класс раньше времени идти нельзя. На каждой лишней минуте можно попасться охране. Я перевернула лист, чтобы Артур не заметил, как долго я якобы читаю одну и ту же схему. Он закрыл ноутбук и повернулся ко мне.

— Кто тебе звонил? — спросил он и посмотрел на телефон рядом с учебником.

Сейчас начнет требовать показать экран. А потом спросит, почему я слежу за часами. Все, что сказала Кира, крутилось у меня в голове.

— Никто, — солгала я, чувствуя, как предательски забилося сердце.

Артур встал и подошел ближе. Он еще не касался меня, но его присутствие заполняло пространство. Он взял мою руку, лежащую на учебнике. Мои пальцы мелко дрожали.

— Твои руки дрожат, — констатировал он, глядя на мои костяшки. — Ты либо боишься меня, либо кого-то другого. Кто?

Я спрятала вторую руку под учебник. С первой он уже все заметил. Признаться про Киру — значит рассказать, как легко она меня купила, и про компьютерный класс тоже. Лучше пусть думает, что боюсь его.

— Просто устала, — выдавила я.

Артур усмехнулся. Холодно, коротко.

— Сомневаюсь. Но твоё тело честнее твоих слов. Помни об этом.

Он отпустил мою руку и вернулся к работе. На коже оставалось тепло его пальцев. Я положила ладонь на холодную обложку: нельзя сейчас думать, как долго он ее держал. Он мог забрать телефон, заставить выложить все — а ушел за свой стол. Я посмотрела на часы. Теперь мне ничто не мешало уйти. От этого стало еще страшнее.

Глава 6

К компьютерному классу я подошла, придерживая ремень сумки, чтобы застежка не стукнула по двери. Аварийные лампы в этом крыле не горели. Пришлось искать ручку на ошупь. За спиной было пусто; все равно я оглянулась, прежде чем войти. Кира сказала: никто не узнает. Обещание её ничего не стоило. В классе была я, не она.

Экран монитора мигнул синим. Логин. Пароль. Пальцы скользили по клавиатуре, оставляя жирные следы на пластике. Я ввела комбинацию, которую дала Кира.

«Access Denied».

Система блокировала вход, требуя двухфакторную аутентификацию. Код должен прийти на телефон деканата или личного ассистента. У меня его не было.

Отчаяние сжало горло. Нужно было уйти. Сейчас.

В этот момент дверь скрипнула. Шаги. Тяжелые, размеренные. Охранник.

Я метнулась под парту, свернувшись клубком между ножками стульев. Запах пыли и старого пластика ударил в нос. Я затаила дыхание, боясь, что оно выдаст меня.

Шаги приблизились. Луч фонарика прочертил полосу света по партам, остановился у двери. Охранник хмыкнул, проверил замок. Дверь не захлопнулась до конца.

Он развернулся и ушел.

Шаги стихли за дверью. Я еще несколько секунд не разгибалась под партой: вдруг он вернется и увидит меня в луче фонарика. Потом выбралась наружу. Дверь оставалась незапертой. Войти оказалось легко, получить данные — невозможно. Кира ведь знала, что нужен второй код. Ей надо было привести сюда меня, а не дать мне доступ? Я посмотрела на экран: там так и стоял отказ.

Ночь кончилась ничем: я выбралась из корпуса с пустыми руками, и логин с паролем Киры остался бесполезным клочком в голове.

Утро началось с головной боли и привкуса металла во рту. Лекция по анатомии должна была начаться через десять минут. Я стояла у досок объявлений, когда рядом выросла фигура Киры.

Она держала в руках сложенный лист бумаги.

— Всё получилось, — прошептала она, сунув мне бумагу в карман халата. — Теперь мы обе знаем твой секрет.

Я развернула лист. Список пациентов на сегодняшнюю практику. Строки были четкими, машинными.

Мой взгляд упал на первую строку. «Иванов П.А., 19 лет. Диагноз: острый аппендицит с осложнением. Редкая форма.»

Я перечитала строку. Аппендицит знала, а над осложнениями просидела слишком мало. На бумаге могла бы вспомнить, поискать; перед комиссией придется отвечать сразу. Кира видела, как я читаю. Складывать лист обратно не хотелось: заметит, что пальцы опять трясутся.

— Это пациент для демонстрации перед комиссией, — произнесла Кира, и её улыбка стала ледяной. — Если ты ошибешься, Ева, тебя отчислят окончательно. Никаких шансов.

— Ты подставила меня, — прошипела я, сжимая бумагу до складок.

— Я помогла тебе увидеть реальность, — пожала плечами Кира. — Удачи, подруга.

Лист я сунула в карман, и в зал нас позвали почти сразу — комиссия не любила ждать, а мне оставалось только решить, как дышать дальше.

На кушетках лежали манекены, а в дальнем углу сидели трое преподавателей. Я старалась не смотреть на их ручки над бланками: так и ждала, что начнут писать еще до моего ответа. Артур стоял сбоку. Кира выбрала первый ряд, откуда было видно каждое движение моих рук. Вчера она обещала помочь. Сегодня приготовилась смотреть, как я воспользуюсь помощью.

Моя очередь. Я подошла к кушетке, где лежал «пациент». Руки тряслись так, что я едва держала стетоскоп.

— Начните осмотр, — велел один из членов комиссии.

— Так... — мой голос сорвался. Я прижала трубку к груди манекена. — Тахикардия. Боль в правой подвздошной области. Возможно, перфорация...

Я путалась в терминах, забывала последовательность действий. Пот тек по спине, холодея на теле. Пациент (голос из динамика) жаловался на усиление боли. Комиссия переглядывалась. Один из профессоров покачал головой.

Я потянулась к следующему инструменту и замерла. Зачем он мне сейчас? Кира знала порядок. Все знали, кроме меня.

Артур сделал шаг вперед. Плечи под халатом напряглись. Сейчас прервет процедуру, разнесет меня в пух и прах, подтвердит слова Киры о моей некомпетентности. Я сжалась, готовясь услышать свое имя.

Но вдруг он остановился.

Его глаза сузились. Взгляд скользнул мимо меня, упав на Киру. Она нервно теребила планшет, который держала на коленях. Артур заглянул в планшет, и Кира торопливо погасила экран. Я успела узнать верхнюю строку того списка, который она утром сунула мне в карман.

Артур задержался возле Киры. Она прижала планшет к груди и подняла на него глаза. Я стояла у кушетки с инструментом в руке и ждала: пусть скажет комиссии. Пусть хоть раз объяснять придется ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.